

Современное
востоковедение
.....
История

НОРМАН
СМИТ

.....
ОДУРМАНИВАНИЕ
МАНЬЧЖУРИИ

АЛКОГОЛЬ, ОПИУМ И КУЛЬТУРА
В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КИТАЕ

«Современное востоковедение» / «Modern Oriental Studies»

Норман Смит

**Одурманивание Маньчжурии.
Алкоголь, опиум и культура
в Северо-Восточном Китае**

«Библиороссика»

2012

УДК 94(510)+ 364.272:663
ББК 63.3(5Кит)6

Смит Н.

Одурманивание Маньчжурии. Алкоголь, опиум и культура в Северо-Восточном Китае / Н. Смит — «Библиороссика», 2012 — («Современное востоковедение» / «Modern Oriental Studies»)

ISBN 978-5-907532-43-4

В своем исследовании Норман Смит показывает, как в северокитайском обществе воспринимались одурманивающие вещества и зависимость от них, какую роль в изображении интоксикантов сыграла японская оккупация Маньчжурии и какие усилия предпринимались властями для снижения потребления опиума и алкоголя. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(510)+ 364.272:663

ББК 63.3(5Кит)6

ISBN 978-5-907532-43-4

© Смит Н., 2012

© Библиороссика, 2012

Содержание

Список иллюстраций	6
Благодарности	7
Вступление	9
Глава 1	15
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Норман Смит
Одурманивание Маньчжурии
Алкоголь, опиум и культура
в Северо-Восточном Китае

Norman Smith
INTOXICATING MANCHURIA
Alcohol, Opium and Culture in China's Northeast

Перевод с английского Кирилла Батыгина
Серийное оформление и оформление обложки Ивана Граве

© Norman Smith, text, 2012
© UBC Press, 2012
© К. Батыгин, перевод с английского, 2022
© Academic Studies Press, 2022
© Оформление и макет. ООО «Библиороссика», 2022

* * *

*Посвящается памяти Чжан Синцзюань,
известной под авторским псевдонимом Чжу Ти*

Список иллюстраций

1. Поле опиумного мака
2. Церемония под руководством министра иностранных дел Се Цзэши при участии премьер-министра Чжэн Сяосюя
3. Открытка. Бар «Саппоро» снаружи
4. Открытка. Бар «Саппоро» внутри
5. «Бывшие товарищи». Русская открытка
6. Харчевня времен династии Цин
7. «Груда праха» в Мукдене
8. Генерал Ноги Марэсукэ. Празднование по случаю победы в Русско-японской войне
9. «О алкоголь! Сколь сильно твое воздействие!»
10. «Ласточки»
11. Реклама пива «Asahi»
12. Реклама пива «Asahi», «Фушэнь» и «Sapporo»
13. Реклама пива «Sapporo» и «Asahi»
14. Херувимчики «Red Ball»
15. Господин «Red Ball»
16. Реклама «Red Ball»
17. «Источник энергии»
18. Реклама «Essence of Turtle»
19. «Сильная и процветающая Азия»
20. «Четыре яда, крушащих здоровье»
21. «Официантка в сверхсовременном баре»
22. «Удастся ли вам сохранить здоровье в подобном цветнике[?]»
23. «Молодые наркоманы заходят в опиумный притон»
24. «Излечение наркомана»
25. «Рационализаторское движение за энергию»
26. Реклама «Ruosu»
27. «Сладкий поцелуй»
28. «Песня новой жизни»
29. «Наркоманы и исцеленные курильщики приучаются к труду и получают профессиональные навыки в специализированных школах правительства Маньчжоу-го. На этом фото запечатлен пример обучения исцеленных наркоманов и курильщиков»
30. «Институты здоровой жизни выведут вас в землю обетованную»
31. «Медпункт, управляемый специальным муниципалитетом Синьцзин»
32. «В помещении медпункта. Наркоманки получают медицинскую помощь».
33. «В помещении Государственного медицинского пункта для курильщиков опиума в городе Синьцзин»
34. «Устрашающая преисподняя человечества»
35. «Чжан Цзолинь и Чжан Сюэлян»
36. «Япония на страже Азии»
37. «Правительство Маньчжоу-го»
38. «Синьцзи в баре»
39. «Обезображенный Дэсинь»
40. «Шаосянь в бегах»
41. «Корейские наркоторговцы»

Благодарности

Книга «Одурманивание Маньчжурии» не была бы написана без вдохновляющих наставлений, которые исходили от моих наставников в Университете Британской Колумбии. Я хотел бы особенно отметить бесценную поддержку Дианы Лари, Глена Питерсона и Кэтрин Сватек. Благодаря им я получил фундаментальную профессиональную подготовку, которая привела меня в Гуэлфский университет, где собрались лучшие в своих областях исследователи, специализирующиеся в истории и изучении общественной роли женщин. Они сформировали атмосферу поддержки, которая способствовала завершению настоящего текста.

Я также многое почерпнул из чтения и обсуждения моей книги с Джунко Накадзима Агну, Ольгой Бакич, Дэррилом Брайантом, Ричардом Чэном, Анникой Кульвер, Джеймсом Флатом, Мириам Кингсберг, Дианой Лари, Келли Лаут, Янь Ли, Ли Чжэнчжуном, Пань У, Робертом Перринсом, Гленом Питерсоном, Жэнь Юйхуа, Биллом Сьюэлом, Роном Сулески, Сунь Цзяжуй, Такамицу Ёсиэ, Ван Нином, Ян Суаньчжи, Виктором Зацепиным, Чжан Хунэнем, Чжан Цянем, Чжан Синцзюань и Чжу Чжэньхуа. Я благодарен за поддержку Холли Карибо и Шине Марти. Хотел бы также поблагодарить анонимных рецензентов от UBC Press, Общества истории алкоголя и наркотиков и Совета по исследованиям в области социологических и гуманитарных наук Канады.

В процессе написания этой книги оказалось неопределимым значение международных конференций. Я хотел бы особо поблагодарить организаторов и участников следующих: конференции Общества истории алкоголя и наркотиков (Лондон, Онтарио, 2004 г.; Глазго, 2009 г.); конференции Ассоциации азиатских исследований (Гонолулу, 2011 г.); конференции Канадской ассоциации азиатских исследований (Ватерлоо, 2008 г.); «Всемирные вызовы, региональные ответы» (Харбин, 2009 г.); «Культурные взаимосвязи Японии и Китая с конца XIX в. до Второй мировой войны» (Виктория, 2008 г.); «Социальные последствия Китайско-японской войны» (Ванкувер, 2006 г.); «Телесные истязания во времена Китайско-японской войны: 1931–1945 гг.» (Гарвард, 2012 г.); 3-й Международный семинар по китайско-японским отношениям во времена Китайско-японской войны, 1937–45 гг.» (Хаконе, 2006 г.).

Часть материалов данной книги была опубликована ранее: статья «Литература об опиуме в Маньчжоу-го» в издании James Flath and Norman Smith, eds., *Beyond Suffering: Recounting War in Modern China*, p. 13–35 (Vancouver: UBC Press, 2011); статья «Алкоголь в Китае» в издании M. Darrol Bryant, Yan Li and Judith Maclean Miller, eds., *Along the Silk Road: Essays on History, Literature and Culture in China* (Kitchener: Pandora Press, 2011); статья «Опиаты, наркозависимость и гендерная принадлежность в литературе времен Маньчжоу-го на китайском языке» в переводе Такамицу Ёсиэ для издания Ezra Vogel and Hirano Kenichiro, eds., *Chinese Society and Culture during the Sino-Japanese War*, p. 329–364 (Tokyo: Keio University Press, 2010) (на японском); статья «Опиум и литература во времена марионеточного государства Маньчжоу-го» в переводе Жэнь Юйхуа для издания Li Jianping and Zhang Zhongliang, eds., *Studies of the Occupied Areas during the Anti-Japanese War: Volume 2*, p. 213–235 (Guilin: Guangxi Normal University Press, 2008) (на китайском); совместная с Жэнь Юйхуа статья «Социальная роль опиума во времена оккупации Северо-Восточного Китая» для издания *Social Science Front Monthly* (July 2008), p. 113–115 (на китайском); совместная с Жэнь Юйхуа статья «Трагедия женщин в оккупированных северо-восточных районах: ключевая роль опиума» для издания *Literature and Art Discourse* (May 2008), p. 78–81 (на китайском); статья «Зависимость от опиатов и хитросплетения империализма и патернализма в Маньчжоу-го, 1932–45» для издания *Social History of Alcohol and Drugs* 20, 1 (Fall 2005), p. 66–104. Все материалы были переработаны с учетом целей настоящей книги.

Я с превеликим удовольствием объявляю имена спонсоров её публикации: Совет по исследованиям в области социологических и гуманитарных наук Канады и Гуэлфский университет.

Выражаю благодарность коллегам по UBC Press: Эмили Эндрю за неизменный энтузиазм и поддержку; Меган Бранд за то, как поразительно она провела меня через процесс редактуры, отмеченный как тщательностью, так и добрым юмором; Дэвиду Драммонду за высокохудожественную и эффектную дизайнерскую работу; Роберту Льюису за внимание к деталям; Франку Чжоу за заботу об издании; Валери Нер за своевременное содействие.

Мое исследование Китая не было бы реализовано без поддержки Жэнь Юйхуа; Ли Чжэнчжуна, Чжан Синцзюань и Ли Цянь; Ли Жому и Чан Гуйчжи; Лю Хуэйцзюань; Пань У. Я никогда не смогу их в полной мере отблагодарить за их помощь и дружбу. Во время написания этой книги я с прискорбием узнал о кончине Пань У – одного из моих наставников, пионера в области изучения литературы времен Маньчжоу-го. Пань У печатался под псевдонимом Ин Шангуань. Чанчунь не будет без него прежним.

Я благодарен всем вышеназванным людям, а также членам моей семьи и остальным друзьям, которые постоянно поддерживали меня в процессе написания этой книги. Особо отмечу Маргарет Арсено; Барбару, Даниала, Дэна и Кассандру Берtrand; Ричарда Чэна; Джереми и Спенсера Кингов; Дона Смита и Лоррейн Смит. Меня вдохновляют их терпение и поддержка.

Вступление

*Страшна твоя жертва:
Ты превратил свою кровь в грязь.
Оправдана ли столь высокая цена?
Тебе придется принести в жертву свою любовь.
Само собой: твой враг он также враг мой.*

Песня «Бросай курить»¹

В 1942 г. Ли Сянлань (1920–2014 гг.) – самая известная актриса и певица основанного Японией марионеточного государства Маньчжоу-го (1932–1945 гг.) – исполнила песню «Бросай курить». Произведение осуждало «ужасающую» практику потребления опиума, который в тексте песни сравнивается с совратителем, обольщающим и затем уничтожающим всех, кто подпадает под его чары². Ли пела о роковой привязанности к наркотику, и каждое озвучиваемое ею слово находило отклик в душах измученного китайского народа, в особенности медицинских работников и должностных лиц, которые хотели сократить потребление населением таких токсичных веществ, как опиум и алкоголь. На пути этого благого намерения стояли зависимость Китая от доходов, получаемых от продажи этих веществ, и стремление сохранить статус-кво людей, получавших выгоду от торговли этим зельем. В первой половине XX в. Северо-Восточный Китай стал печально известен в связи с «опиумным вопросом», к которому было приковано внимание международного сообщества. При этом на здравоохранение и культуру региона оказала воздействие и привычка злоупотреблять алкоголем, которая, тем не менее, не провоцировала столь же ожесточенную полемику. Изучение практики потребления опиума оказывается в фокусе внимания, когда речь заходит о современной истории Северо-Восточного Китая и японском империализме, однако алкогольной зависимости исследователи не уделяют столь же пристальное внимание, несмотря на то что именно в Северо-Восточном Китае сформировалось явление, которое китайцы характеризуют как «уникальную культуру потребления алкоголя»³. На протяжении веков и горячительные напитки, и опиум использовались как для лечения, так и в рекреационных целях, хотя злоупотребление этими субстанциями ассоциировалось с деградацией как отдельной личности, так и общества в целом. Повышенное внимание к опиуму не скрывает еще более ощутимого воздействия на Северо-Восточный Китай привязанности к алкоголю. Эта пагубная привязанность сохраняется и по сей день. Свидетельство тому – отстранение от участия в спортивных соревнованиях Ван Мэн, самой выдающейся спортсменки Китая в зимней дисциплине шорт-трек. Поводом для такого решения стало участие родившейся как раз в Северо-Восточном Китае неоднократной олимпийской чемпионки в пьяной драке, которая «подорвала дисциплину в команде и поставила под удар престиж спорта в целом». Ван Мэн была исключена из команды. Было наложено вето на ее участие в международных соревнованиях⁴. В настоящем исследовании рассматриваются представления о рекреационном потреблении токсических веществ в первой половине XX в., в особенности прогибиционистская кампания, которая развернулась в Маньчжоу-го в 1940-х гг. и которая

¹ Название песни можно также перевести как «Отказывайся от опиума». См. «Jie yan ge», слова Ли Цзюаньцин, музыка Лян Лэинь на *Li Xianglan Collection* (Taipei: Zhonghua Records, 1999). – *Примеч. авт.*

² По тексту песни используется термин *юаньцзя*, который имеет коннотацию «враг» или «противник», но также зачастую используется в традиционной китайской опере и народных песнях для обозначения любимого человека, обещанную любовь. – *Примеч. авт.*

³ См. [Feng]. – *Примеч. авт.*

⁴ Более подробно см. <http://sportsillustrated.cnn.com/2011/> (в настоящее время ресурс недоступен). – *Примеч. авт.*

доминировала как в официальной политике, так и в китайской культуре в период Священной войны Японской империи против англо-американского империализма в 1941–1945 гг.⁵

Премьера песни «Бросай курить» в исполнении Ли Сянлань пришлась на важный переходный период середины XX в., отмеченный слабостью государства, засильем иностранного империализма и борьбой против рекреационного потребления токсических веществ. Эта песня выступает лейтмотивом фильма «Вечность» 1942 г.⁶ Эта выпущенная на китайском языке кинокартина была создана на японские деньги и представляет собой драматизацию событий Первой опиумной войны 1839–1842 гг. между Великобританией и Китаем. В преддверии столетия после окончания указанной войны «Вечность» снимали в находящемся под японской оккупацией Шанхае. Работа над фильмом проходила на фоне Священной войны Японской империи против Великобритании и США. Хотя он и был призван вызвать у китайских кинозрителей неприятие к потреблению опиума и Западу, содержание фильма выставляло в неприглядном свете и его продюсеров. Публично давая клятвы освободить Китай от оков западной деградации и наркотической зависимости, де-факто японцы установили жесткий колониальный режим, который раскрывал истинное значение Священной войны. В результате, по выражению писателя Марка Дрисколла, возник «антиколониальный колониализм»⁷. Попытки японцев сгладить критические настроения за счет продвижения национальной культуры Китая, примером которых как раз выступает кинокартина «Вечность», по иронии лишь служили подтверждением ощущений китайских зрителей, что за состояние подчиненности, живописуемое в песне Ли, они заплатили слишком дорого.

Ли Сянлань – яркий символ китайской культуры, фабрикованной на территории оккупированной японцами Маньчжурии⁸. Ли родилась в японской семье в городе Фушунь. Ее детство прошло в Маньчжурии и Пекине⁹. Родители Ли высоко ценили культурное наследие Китая, и, в дополнение к данному дочери китайскому имени, определили Ли в китайскую школу и помогли избрать карьеру, связанную с китайским языком. В позднем подростковом и раннем взрослом возрасте Ли начала сниматься в фильмах производства акционерной компании «Маньчжурское кинематографическое общество». Зрителям Ли представляли как урожденную китаянку, которая поддерживала действия Японии¹⁰. Ли была также успешной певицей. Многие любимые китайцами песни того времени¹¹ стали необычайно популярными именно в ее исполнении. Выход «Бросай курить» был встречен с огромным энтузиазмом не только на оккупированных Японией землях, но и на территориях, находящихся под контролем Гоминьдана и коммунистов, в том числе и на «родине революции» – городе Яньане, который выступал опорной базой для КПК. Истерзанный войной Китай покорила песня, призывающая отказаться от опиума. В равной мере порицание зависимости от алкоголя фиксируется и в литературе на китайском языке. Писатели, работавшие в Маньчжоу-го, в том числе Мэй Нян и Сяо Цзюнь, снискали значительную известность произведениями, которые осуждали потребление интоксикантов в период, когда вся страна подвергалась угрозе от этой напасти в наци-

⁵ Дрисколл выделяет три отдельных периода японского империализма. Последний из них (1932–1945 гг.) он называет «некрополитикой» в силу фокуса на тотальную войну и мобилизацию фашизма. См. [Driscoll 2010: xii]. – *Примеч. авт.*

⁶ Название на английском, оригинальное название на китайском – «Слава на многие поколения». – *Примеч. пер.*

⁷ [Ibid.: 227]. – *Примеч. авт.*

⁸ Термин «Маньчжурия» связан со значительной неоднозначностью, об этом подробно рассказано в [Таманоі 2005: 2–3]. – *Примеч. авт.*

⁹ Ли также известна под именами Ширли/Ямагути Ёсико и, после повторного вступления в брак, Ёсико Отака. Ее автобиография на японском языке была переведена на китайский в 1988 г. См. [Li 1988]. – *Примеч. авт.*

¹⁰ Писательница тех времен Мэй Нян заявляет в интервью 2004 г., что японское происхождение Ли было «открытым секретом» [Mei 2004]. Степень «веры» китайских зрителей в китайское происхождение Ли также ставится под вопрос Ширли Стивенсон в [Zhang 1999: 222–245]. – *Примеч. авт.*

¹¹ Среди них «Когда вернется моя любовь?», «Песня продавца конфет» и «Ночное благоухание». Хотя в свое время эти песни иногда воспринимались как неполиткорректные, они до сих пор пользуются популярностью. – *Примеч. авт.*

ональном масштабе. Однако после окончания оккупации все те люди, которые создавали во время оккупации Японии популярные, включая критические, произведения, оказались запятнаны предполагаемой «предательской» коллаборацией с империалистами. Так, после поражения Японии во Второй мировой войне в 1945 г. режим Гоминьдана приговорил Ли Сянлань к смертной казни. Она избежала гибели, предоставив генеалогические материалы, подтверждавшие ее японское происхождение. После этого актриса бежала в США, а затем переехала в Японию¹². Мэй Нян, Сяо Цзюнь и другие деятели культуры, которые остались в Китае, на протяжении десятилетий подвергались гонениям со стороны маоистов. Та же судьба (вплоть до смертной казни) была уготована людям, работавшим в таких «спорных» сферах, как контроль за наркотиками или реабилитация от наркозависимости. Китай стёр память об этих людях, как и о Маньчжоу-го в целом, однако их тени все еще присутствуют в национальном самосознании.

Заметная роль, которую интоксиканты играли в Маньчжоу-го, заставляет задуматься о японском империализме, историях зависимости и популярной культуре Китая. В книге «Одурманивание Маньчжурии» анализируются сюжеты об алкоголе и опиуме, распространявшиеся самыми популярными СМИ на китайском языке в первой половине XX в. В фокусе внимания оказывались три основные темы:

1. Какое отражение в народном сознании нашли интоксиканты и зависимость от них?
2. Какое воздействие оказали японская оккупация и война на связанные с интоксикантами отрасли?
3. Принимались ли серьезные меры для сдерживания потребления интоксикантов?

Ответы на эти вопросы позволяют нам заново оценить полученные интерпретации истории региона и восприятия японского империализма. Настоящее исследование не отрицает факт зверских преступлений, которые японцы совершили в Северо-Восточном Китае. К ним относится и создание развернутой сети торговли наркотиками¹³. Однако для историков, желающих иметь более полноценное представление о недавней истории региона, я отмечаю также необходимость восстановить в коллективной памяти сложную историческую роль интоксикантов.

«Одурманивание Маньчжурии» демонстрирует, что, несмотря на значительную роль опиума как одного из самых продаваемых на северо-востоке Китая в первой половине XX в. товаров, он также был предметом широкого осуждения. В начале 1940-х гг. дурную славу снискал себе и алкоголь. Однако до этого на протяжении десятилетий спиртные напитки называли свидетельством современности тех, кто их употребляет. Нарастающее в континентальном Китае напряжение и начало Священной войны преобразовали нарративы о потреблении алкоголя, который начали порицать как «стартовый» наркотик для дальнейшего перехода на опиум, героин и морфин. Начиная с этого времени крупные отрасли по производству и распространению интоксикантов сосуществуют бок о бок с жесткой критикой рекреационного потребления этих интоксикантов. В настоящем исследовании приводятся доводы, убеждающие, что в регионе предпринимались гораздо более обширные, разнообразные и изощренные подходы к

¹² Ли в дальнейшем снималась в нескольких голливудских кинокартинах, выступала на Бродвее и работала ТВ-корреспондентом, освещая события во Вьетнаме, Камбодже и на Ближнем Востоке. В 1974 г. она была избрана в парламент Японии от Либерально-демократической партии и служила депутатом 18 лет. В дальнейшем была вице-президентом Asian Women's Fund (Фонд азиатских женщин) – организации, направленной на оказание содействия «женщинам для утешения», которые пострадали во времена Второй мировой войны. – *Примеч. авт.* «Женщины для утешения» – эвфемизм, обозначающий женщин, которые принуждались к оказанию сексуальных услуг солдатами и офицерами армии Японии во времена Второй мировой войны. – *Примеч. пер.*

¹³ О преступлениях с наркотиками и нарушениях прав человека в Отряде 731 см. [Kingsberg 2009: 314–320]. – *Примеч. авт.*

контролю и порицанию интоксикантов, чем нам казалось в прошлом. Как раз эти мероприятия представляют собой один из примеров существенной социокультурной роли, которую интоксиканты играли в истории как Северо-Восточного Китая, так и Поднебесной в целом.

В Китае и на Тайване появляется все больше изданий, касающихся проблематики истории алкоголя. В частности, следует отметить следующие произведения: Го Паньси, «Обычаи распития алкогольных напитков в Китае» [Guo 1989]; Ли Чжэнпин, «Культура потребления алкогольных напитков в Китае» [Li 2006]; Сюань Биншань, «Народные обычаи [потребления] пищи и напитков» [Xuan 2006]; Гун Ли, «История распития алкогольных напитков» [Gong 2009]. Указанные произведения отражают возрастающий интерес к роли, которую в Китае играет «культура алкогольных напитков» (*цзю вэньхуа*), а равно и стремление к особым компетенциям национальных потребителей и производителей при одновременном заявлении требований к международным рынкам. На момент публикации этой книги в англоязычной литературе не существовало аналогичного бума публикаций по вопросам потребления алкоголя. Дискуссии по этой теме проводились либо в гастрономических обзорах, либо в рамках международных исследований. Здесь стоит упомянуть следующие работы: Чжан Гуанчжи, «Еда в китайской культуре» [Chang 1977]; «Алкоголизм в Северной Америке, Европе и Азии» под ред. Джона Хельцера и Глорисы Канино [Helzer, Canino 1992]; Дэвид Кортрайт, «Силы привычки» [Courtwright 2001]. Единственное исключение – Дэвид Армстронг, «Алкоголь и измененное состояние в ритуалах почитания предков в Китае при династии Чжоу и в Палестине в железном веке» [Armstrong 1998]. Эта книга восполняет пробелы в истории и уделяет внимание славящемуся пагубной привычкой региону Китая. Моя собственная книга посвящена Маньчжоу-го в 1930-е гг. и 1940-е гг. и, в частности, дополняет публикацию Чжан Хуэйнуаня «Культура алкогольных напитков у национальных меньшинств Северного Китая», которая сфокусирована на рассмотрении положения национальных меньшинств на севере Китая во времена империи и в новейшее время [Zhang 2008].

Еще больше научной литературы посвящено роли опиума в истории Китая и Японии. Фундаментальное эссе Джонатана Спенса показало, что «[потребление опиума] оказало радикальное воздействие на весь социум Китая», не ограничиваясь только вредом, причиненном здоровью китайцев¹⁴. Среди современных исследований, которые продолжают изучать социальное значение опиума, хотелось бы отметить следующие работы: Кэтрин Мейер, «Сети из дыма» [Meier 1998]; «Опиумные режимы» под ред. Тимоти Брука и Боба Тадаши Вакабаяси [Brook, Wakabayashi 2000]; Франк Дикёттер, Ларс Лааман и Чжоу Сюнь, «Культура наркотиков» [Dikötter et al. 2004]; Ямада Гоити, «Опиумная монополия в Маньчжурии» [Yamada 2002]; Чжэн Янвэнь, «Социальная жизнь опиума» [Zheng 2005]. Эти произведения подчеркивают значение контекстуализации опиума и его различных социально-экономических аспектов. Особое значение для этой книги имели две работы: Чжоу Юнмин, «Антинаркотические кампании XX в. в Китае» [Zhou 2007] и Алан Баулмер, «Китайцы и опиум при Китайской Республике» [Baulmer 2007]. Оба произведения описывают китайские антиопиумные кампании, но при этом игнорируют влияние режимов, установленных Японией в континентальном Китае, и продолжают настаивать на двусмысленности, проистекающей из восприятия китайскими националистами Северо-Восточного Китая после падения династии Цин как неотъемлемой части китайского государства. «Одурманивание Маньчжурии» ставит своей целью более четкое исследование прогибационизма в регионе для изучения как местной истории, так и отношений между Китаем и Японией.

Японский империализм и его связь с распространением опиума были предметом многочисленных исследований. Наиболее релевантные для моей книги среди них это: Джон Дженнингс, «Опиумная империя» [Jennings 1997]; Луиза Янг, «Абсолютная империя Япо-

¹⁴ Эссе «Опиум» первоначально опубликовано в 1975 г. и перепечатано в [Spence 1992: 229]. – *Примеч. авт.*

нии» [Young 1998]; Люй Юнхуа, «Опиумная отравка на Северо-Востоке Китая во времена марионеточного государства Маньчжоу-го» [Lü 2004]; Ямамуро Синъити (перев. Джошуа Фогель), «Маньчжурия под владычеством Японии» [Yamaturo 2006]; и, из самых недавних работ, Марк Дрисколл, «Абсолютная эротика, абсолютный гротеск» [Driscoll 2010]. «Одурманивание Маньчжурии» дополняет указанную литературу, делая упор на антиопиумном движении в Маньчжоу-го, а равно на агрессивном продвижении в регион алкоголя и последующих попытках ограничить его потребление. Среди недавних значительных исследований Маньчжурии 1920-х гг. и 1930-х гг. стоит отметить следующие: Рональд Сулески, «Гражданское правительство в Китае при милитаристах» [Suleski 2002]; Джеймс Картер, «Создание китайского Харбина» [Carter 2002]; Прасенджит Дуара, «Суверенитет и аутентичность» [Duara 2003]; Лю Цзинхуэй, «Нация, гендер и социальная стратификация» [Liu 2004]; «Пересечение историй» под ред. Мариико Асано Таманой [Tamanoi 2005]; китайско-японская хрестоматия «Правда о марионеточном государстве Маньчжоу-го» [Beijing 2010]; Блейн Чейссон, «Администрирование колонизатора» [Chiasson 2010]. В этих произведениях подчеркивается необходимость тщательного изучения исторических хитросплетений рассматриваемого полиэтнического региона для понимания произошедших здесь событий. Выход в свет этих изданий сделал возможным написание настоящей книги.

«Одурманивание Маньчжурии» состоит из восьми глав. В главе 1 – «Алкоголь и опиум в Китае» – описывается, как китайцы относились к алкоголю и опиуму в разные исторические периоды вплоть до середины XX в. Здесь отмечается устоявшаяся роль этих субстанций в культурных практиках и государственной политике, от мифологии до налоговой системы. В главе 2 – «Маньчжурия: исторический контекст» – внимание уделяется Северо-Восточному Китаю и наиболее существенным деловым и государственным преобразованиям в региональной индустрии интоксикантов с конца периода империи до 1940-х гг. включительно. Рассматривается принципиальная важность этих изменений для местных жителей и администрации. Чтобы сформировать общий контекст для исследования темы интоксикантов в последующих главах, основное внимание в этой главе уделяется их производству.

В главе 3 – «Воззрения на алкоголь» – мы обсудим ключевые нарративы, имеющие отношение к этому употреблению. В тексте представлены сюжеты из ведущих газет и журналов региона в 1930-х гг. и 1940-х гг., в том числе «*Датунбао*» («Вестник Великого Единения»), «*Цзянькан Маньчжоу*» («Здоровая Маньчжурия»), «*Цилинь*»¹⁵, «*Шэньцзин шибао*» (*Shengjing Times*) и «*Синьманьчжоу*» («Новая Маньчжурия»). В течение 1930-х гг. связанные с алкоголем нарративы носили в целом позитивный характер. Отмечалась роль спиртных напитков в поддержании здорового образа жизни, в творческом самовыражении и развлечениях. Такие сюжеты укрепляли модернистские амбиции режима в Маньчжурии и вместе с тем отражали давние традиции потребления алкоголя среди маньчжуров и монголов, а также разрастающихся сообществ ханьцев, японцев и русских. Однако в 1940-е гг. создаваемые этим потреблением проблемы со здоровьем и социально-экономическая нестабильность, последовавшая за оккупацией, войной и нищетой, спровоцировали все большее решительное неприятие алкоголя как того самого одурманивающего врага, о котором пела Ли Сянлань.

Глава 4 – «Покупая алкоголь, приобщаешься к современности» – прослеживает рекламные тренды, от продвижения потребления спиртного в качестве свидетельства современности тех, кто его употребляет, до призывов к жесткому контролю или даже запрету на алкоголь. Мы сделали обзор следующих продуктов – вино «Red Jade», вино «Suppon Holmon» («Soft-Shell Turtle»), ликер «Yomeishu» и пиво «Asahi». Для склонных к чрезмерным возлияниям в

¹⁵ *Цилинь*, часто не вполне корректно переводимое как «единорог», – китайское мифологическое существо, схожее с химерами. Наиболее часто представляет собой сочетание головы дракона, тела коня, ног оленя и медвежьего или бычьего хвоста при множестве рогов и голубоватой коже. – *Примеч. пер.*

качестве новейшего антидота широко рекламировали пищевую добавку «Ruosu» («Базовый элемент»). Реклама включала в себя иллюстрации и тексты, которые были нацелены на раскрытие для потребителей деталей об особенностях продукции и рекомендации по наиболее современным способам их потребления. Изучение этих материалов помогает понять, как менялись деловые и потребительские практики, а также государственные политические курсы.

Глава 5 – «О потреблении интоксикантов в литературе» – анализирует художественную литературу 1930-х гг. и 1940-х гг. на китайском языке в той части, которая затрагивает вопросы потребления алкоголя и опиума. В главе рассказывается, как литераторы по мере становления их карьер пытались обратить внимание общественности на опасность употребления интоксикантов. Рассмотрены произведения ведущих местных авторов, в том числе Бай Лан, Ли Цяо, Ли Чжэнчжуна, Мэй Нян, Ван Цюина, Сяо Цзюня и Чжу Ти.

Глава 6 – «Переполюс в сервисной индустрии» – посвящена жарким дебатам 1930-х гг. по поводу работы женщин в опиумных магазинах в частности и в индустрии услуг в целом. Дискуссия была сфокусирована на «признанных талантах» женщин и том, как лучше реализовать их в работе. Поразительно противоречивые материалы газеты тех времён «*Шэньцзин шибао*» позволяют понять отношение к задействованным в сфере услуг женщинам и к этой индустрии в целом. Такие новостные заметки, кстати, легли в основу вымышленных историй о работниках сферы услуг, в том числе повести Мэй Нян 1940 г. «Преследование» и повести Вэй Чэна 1942 г. «Загнивший отравленный язык». Споры по поводу женщин в сфере услуг являются частью общих споров о «новых женщинах» в начале XX в. В таких дискуссиях отражается неоднозначность роли женщин в индустриях услуг и интоксикантов. Причем эта двусмысленность сохраняется по настоящее время.

В главе 7 – «Обоснование зависимости и поиск излечения» – описываются попытки современников показать «зависимость» как явление и обозначить пути к ее преодолению отдельными лицами как в домашних условиях, так и в специализированных структурах. Материалы СМИ о препаратах, противодействующих зависимости, и материалы о больницах, клиниках и институтах здоровой жизни (*каншэнгьюань*), а также их врачебных коллективах, подчеркивают всю серьезность, с которой многие относились к борьбе с зависимостью от интоксикантов до победного конца. В представленных на сегодняшний день исследованиях того периода отрицаются или недооцениваются попытки лечить или преодолевать зависимость, однако ведущие СМИ того времени настойчиво навязывали обсуждение этой темы.

Глава 8 – «“Занимательные беседы” и Опиумная монополия» – исследует 126-страничный трактат «Занимательные беседы: сборник № 1», опубликованный Опиумной монополией Маньчжоу-го в 1942 г. и распространявшийся среди населения бесплатно. Снабженный красивыми иллюстрациями буклет состоит из 14 глав, в которых подробно описывается позиция монополии по алкоголю и опиуму, а равно и лучшие средства лечения от зависимости. Несмотря на то что это издание в свое время было общедоступным, сейчас его экземпляры крайне редки и ранее не являлись предметом научных исследований. Анализ «Занимательных бесед» объединяет все линии исследования в «Одурманивании Маньчжурии», демонстрирует историческую важность индустрии по производству интоксикантов в Маньчжурии, а также их несомненное воздействие на местную культуру.

Глава 1

Алкоголь и опиум в Китае

С давних времен алкоголь и опиум играют важную роль в культурных практиках и государственной политике Китая, объединяя местные факторы влияния с привнесенными извне трендами. Уже при первом своем появлении в Поднебесной эти интоксиканты вызывали как хвалу, так и осуждение. При этом исторически алкоголь был в большей степени интегрирован в китайский социум, чем опиум, который в современных нарративах о личном и общественном здоровье удостаивался гораздо более суровой критики. Масштабы потребления спиртного в сообществах китайцев преуменьшаются или игнорируются по самым различным причинам, в особенности в связи с широко распространенным убеждением, будто бы у азиатов аллергия на спиртное [Court-wright 2001: 10]¹⁶. Однако самые распространенные формы потребления алкоголя – в небольших чашах или пиалах во время принятия пищи или исполнения ритуалов – способствовали принятию спиртных напитков в долгосрочной перспективе. Большую часть своей истории опиум использовался как медицинское средство, а не как рекреационный продукт¹⁷. Однако агрессия со стороны империалистических держав, перемены в потреблении и сдвиги в медицинском дискурсе на протяжении XIX–XX вв. трансформировали восприятие как алкоголя, так и опиума, которые стали более однобоко описываться как вызывающие привыкание опасные интоксиканты. Как замечал в 1939 г. Бай Хэ, алкоголь и опиум следует воспринимать схожим образом, поскольку оба интоксиканта «скрывают свою губительную природу» [Bai 1939: 39]. В настоящей главе представлен общий обзор подходов к алкоголю и опиуму в Китае на протяжении его истории, вплоть до середины XX в. Поскольку потребление спиртных напитков прослеживается уже на заре китайской цивилизации, мы начнем наше обсуждение с алкоголя.

Алкоголь

Афоризм «алкоголь предназначен для церемоний, исцеления хворей и разгульного веселия» указывает на значительную роль, которую спиртное играло в истории Китая [Li 2006: 37]. В трактате «История потребления алкоголя» Гун Ли указывает, что «алкоголь составляет стержень всех китайских обычаев» [Gong 2009: 78]. Го Паньси характеризует культуру алкогольных напитков как «многоцветный калейдоскоп» [Guo 1989: 1]. Сюй Сяоминь называет алкоголь «водой истории» [Xu 2003]. Китай считали «родиной спиртного» [Shenyang 1993: 335]¹⁸ и «королевством алкоголя» [Wen 2010: 1]. В 1926 г. писатель Чжоу Цзожэнь (1885–1967 гг.) заявлял: «я уроженец родины алкоголя» [Zhou 1994b: 20]. Все эти утверждения указывают на глубину и масштаб истории спиртных напитков, или *цзю*, как читается соответствующий иероглиф на *путунхуа*¹⁹. *Цзю* обозначает алкоголь во всех его формах, от «желтого вина» (*хуанцзю*) – алкогольного напитка из зерен риса, проса или пшеницы – до виноградного вина (*путаоцзю*) и пива (*пицзю*)²⁰. Иероглиф *цзю* обнаруживается на гадательных костях,

¹⁶ О воззрениях на биологию, общество и культуру см. [Helzer, Canino 1992: 214]. – *Примеч. авт.*

¹⁷ [Lin, Lin 1982: 109] выдвигают три гипотезы, почему китайцы не пьют алкоголь: физиологическая (непереносимость алкоголя), замещающая (азартные игры и наркотики) и социокультурная (ритуалы с потреблением спиртных напитков и социальные факторы). – *Примеч. авт.*

¹⁸ При заводе Laolongkou в городе Шэньян работает музей вина, в котором можно познакомиться с давней историей предприятия. – *Примеч. авт.*

¹⁹ Основанный на северных диалектах вариант китайского языка, являющийся официальным в КНР. – *Примеч. пер.*

²⁰ [Simoons 1991: 448] замечает, что первоначально само слово *цзю* имело значение «пиво» или «эль». – *Примеч. авт.*

которые являют собой наиболее ранние примеры китайской письменности. Так, во времена династии Чжоу (1046–256 гг. до н. э.) иероглиф *и* («лечить») состоял из двух частей, нижнюю из которых составлял как раз *цзю*, что свидетельствует о давнем существовании спиртного и важном месте алкоголя в китайской культуре [Zhu 2004: 88; Zhang 2008: 2]. Будничность потребления спиртного вместе с едой отражена в существовании составного слова «питье и еда» (*иньши*) и говорит в пользу давно возникшего предположения о комплементарности алкоголя и пищи, которая способствовала структуризации интерпретации различных социальных ролей, выполняемых спиртными напитками в Китае [Chang 1977: 40]. Считается, что среди 55 национальных меньшинств Китая не потребляют алкоголь лишь хуэйцы, исповедующие ислам [Xuan 2006: 89]. Впрочем, даже не все хуэйцы жестко следуют религиозным запретам на распитие спиртного.

С учетом всего вышесказанного, нет ничего удивительного, что вокруг обстоятельств открытия или изобретения алкоголя в Китае до сих пор бурлит дискуссия. В издании «Народные обычаи [потребления] пищи и напитков» Сюань Биншань освещает более 5000 лет истории, ссылаясь при этом на поговорку, которая позволяет говорить о еще более давнем происхождении алкоголя: «спиртное – ровесник Неба и Земли» [Ibid.: 87]. Гун Ли же отстаивает точку зрения, что алкоголь в Поднебесной имеет историю, превышающую 6000 лет, отмечая распространенное убеждение, что китайцы скорее обнаружили, а не изобрели спиртное [Gong 2009: 85]. Чжан Цюньфан считает, что люди начали пить алкоголь еще раньше: более 7000 лет назад [Chang 2002]. В ходе археологических раскопок обнаружили имеющие отношение к спиртному приборы, которые имеют возраст около 8000 лет [Xu, Bao]. Чжу Баоюн демонстрирует, как сладкое вино *ли* – ранняя форма пива (давно забытого в наши дни) – упоминается на гадательных костях и производилась в Китае примерно во времена неолитического Вавилона, то есть около 9500 г. до н. э. [Ibid.]. В 1937 г. археолог У Цичан высказывал гипотезу, что сельскохозяйственные культуры «изначально высаживались не для производства еды, а для варки алкогольных напитков; потребление культивируемых сортов растений в пищу стало последствием употребления алкоголя» (цит. по: [Ibid.]). Таким образом, У исчисляет историю алкоголя в Китае с отметки в 10 000 с лишним лет назад и приводит доводы в пользу того, что спиртные напитки трансформировали социально-экономическое развитие человека. Споры по поводу упоминавшихся дат демонстрируют нам расширяющиеся параметры исторических исследований, распространяющееся осознание «культуры алкогольных напитков» в Китае, а также желание легитимизировать отсылки к особым компетенциям национальных потребителей и производителей в притязаниях на международные рынки.

Самая ранняя история алкоголя давно окутана мифами. «Изобретение» спиртных напитков связывают с именами И-ди и Ду Кан, которые, предположительно, жили во времена династии Ся (2070–1600 гг. до н. э.). Считается, что И-ди произвела алкоголь для своего отца – Великого Юя, который был основателем династии Ся [Jiang 2006: 5]. Положение И-ди в народных сюжетах, которые закрепляют за нею титул «матери вина», дополнительно подкрепляется предположениями, что она первой приготовила из перебродившего риса желтое вино *лаоцзао* и является создательницей дрожжей [Ibid.: 5]. Памятуя И-ди, Чу Гоцин заявлял, что не мужчины, а женщины имеют с алкоголем более близкие связи, которые были подорваны в дальнейшем доминирующими нормами патриархата [Li, Zou 2007: 11, 14]. По крайней мере, в последнее время большее распространение получила идея, будто крепкие напитки изобрел Ду Кан, предположительно, сын пятого правителя династии Ся. Отрывочные данные о его жизни в исторических хрониках давно используются в качестве доказательств существования этого человека и его причастности к созданию алкоголя. По легенде, однажды Ду, выпасая стадо овец, положил горстку риса в дупло тутового дерева. Когда Ду вернулся за обедом, он обнаружил, что рис ферментировался в вино [Li 2006: 238]. В Китае Ду Кан настолько ассоциируется со спиртным, что его имя стало взаимозаменяемым со словом *цзю* и напрямую используется

в пословицах как синоним алкоголя. Так, по словам доблестного полководца Цао Цао (155–220 гг.), «лишь *Ду Кан* позволяет развеять тоску» [Xuan 2006: 87]. Как И, так и Ду свидетельствуют о давней значимости алкоголя в китайской культуре, хотя сомнительно, что кто-то из них действительно изобрел спиртное.

Скорее всего, мы не сможем обозначить самые ранние этапы истории алкоголя в Китае, однако последовательные трансформации некоторых спиртных напитков отражены в различных источниках достаточно четко. К периоду правления династии Чжоу были известны четыре вида алкогольных напитков, которые считались «неотъемлемой частью любого пиршества, приема пищи и важных ритуалов как при Шан, так и при Чжоу» [Chang 1977: 30]²¹. Спиртное столь ценилось при дворе во времена Чжоу, что 60 % из 4 тысяч людей, работавших в резиденции правителей, занимались пищей и алкоголем, в частности, 110 чиновников по вопросам алкоголя, 340 слуг, разливавших алкоголь, а также 170 экспертов по «шести напиткам» [Chang 1977: 11]. Князь Чжоу, брат основателя династии, считается автором первого трактата о связи алкоголя с политикой. Он отмечал, что опасно и непозволительно потреблять чрезмерное количество спиртного вне ритуалов и торжественных мероприятий [Li 2006: 238]. Крепкие напитки составляли существенную часть жизни элиты во времена династии Чжоу, но опьянение считалось привилегией, которой удостаивались лишь люди в почтенных летах, а не молодежь. Кроме того, в рамках священных ритуалов алкогольный угар воспринимался приемлемым лишь для духов предков [Armstrong 1998: 49]. Алкоголь был принципиально важен для участия в ритуалах, для поддержания пожилых людей и при приеме гостей по определенным правилам, которые в дальнейшем озвучивали конфуцианцы [Xuan 2006: 88; Guo 1989: 226].

Спиртные напитки использовались как для формальных ритуалов, так и для менее структурированных мероприятий, а также были частью повседневной жизни. Алкоголь применялся в наиболее символических государственных ритуалах, проводимых императорами и другими представителями правящих элит [Zhu 2004: 217]. Крепкие напитки потреблялись во время большей части праздников, в том числе Праздника фонарей, Праздника Весны²², Праздника поминовения усопших, Праздника драконьих лодок, Праздника середины Осени и Праздника двойной девятки, а также церемоний восхваления предков и старших [Li 2006: 152]. Глубина проникновения алкоголя в китайскую культуру заметна по поговорке «в отсутствие вина нет порядка» [Helzer, Canino 1992: 264]. Спиртное воспринималось как обязательная часть любого банкета или пира. Потребление алкоголя во время досуга приводило людей к написанию стихов, исполнению музыки и игре на пальцах²³ [Li 2006: 109]. С точки зрения здоровья спиртное считалось средством для профилактики ревматизма и усталости, повышения выработки и циркуляции крови, улучшения состояния духа, аппетита, пищеварения и кожи, а также изгнания из тела вредных элементов [Marshall 1979: 315; Zhu 2004: 78]. Еще в период династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) писали, что алкоголь – «древнейшее из ста снадобий» [Li 2006: 308]. Кроме того, предполагалось, что за счет потребления спиртного могла быть увеличена физическая сила человека. Свидетельством тому выступают легенды о Ван Мане, основателе династии Хань (гг. прав. 202–195 до н. э.), который в состоянии опьянения покончил с огромным белым змеем, и о У Суне, персонаже из романа «Речные заводы», который, испив 18 пиал алкоголя, голыми руками умертвил тигра [Ху, Вао]. Спиртное также играло важную роль в сфере политики. Го Паньси рассказывает о том, как правительственные чиновники часто вырабатывали политические курсы за распитием крепких напитков, от чего и произошло выражение «все дела решаются тремя чарками» [Guo 1989: 221]. В период династии Западной Хань

²¹ Во II в. до н. э. писатель Цзоу Ян также замечал, что спиртные напитки «по определению являются неотъемлемой частью пиршества» (цит. по: [Ibid.: 68]). Ли Чжэнпин определяет династию Шан как «культуру, окрашенную в цвета вина» (см. [Li 2006: 1]). – *Примеч. авт.*

²² Более известен на Западе как Китайский Новый год. – *Примеч. пер.*

²³ Застольная игра, где нужно угадать сумму выброшенных играющими пальцев. – *Примеч. пер.*

(206 г. до н. э. – 9 г. н. э.) китайское вино отправляли в качестве оказания почестей кочевому народу хунну. По сей день ведутся споры о том, увезла ли с собой секреты приготовления вина из риса, отправляясь в Тибет, где она вышла замуж за царя Сонгцэн Гампо (г. с. ок. 649), принцесса династии Тан Вэньчэн (г. с. ок. 680) [Xu, Bao].

Ко временам династии Западной Хань *ли* стала уступать по популярности крепким напиткам из пшеницы, пшеницы и других злаков. Считается, что в период Северной Вэй (386–534 гг.) потребление алкоголя уже распространилось и среди народных масс, которые также зачастую сами производили спиртные напитки [Ibid.]²⁴. Во времена династии Тан (618–907 гг.) ко всем любимым напиткам на основе злаков добавился и алкоголь из винограда и риса, поскольку расширение судоходного Великого канала сделало возможным распространение технологий производства крепких напитков [Chang 1977: 119]²⁵. К этому периоду относится возникновение так называемого «замерзшего вина». Техника его изготовления предполагала повышение крепости ферментированного напитка путем его заморозки. Джозеф Нидхам видит в этом нововведении «предвестника всех видов “крепких спиртных напитков”» и датирует эту технику VI или VII в. н. э. (цит. по: [Simoons 1991: 450]). Изобретение процессов дистилляции относят к периоду династии Сун (960–1279 гг.) или династии Цзинь (1115–1234 гг.) [Xu, Bao]. Некоторые приписывают это изобретение алхимикам-даосам, которые пытались создать лекарство для обретения бессмертия. Бытует также мнение, разделяемое, в частности, доктором Ли Шичжэнем времен династии Мин (1368–1644 гг.), что дистилляция возникла позже, при династии Юань (1271–1368 гг.). Чжан Цюньфан высказывает предположение, что именно тогда соответствующие технологии оказались на Западе, в Европе, где их использовали для создания водки²⁶.

Виноградное вино имеет в Китае давнюю историю, его датируют временами династии Хань и путешествиями вдоль Шелкового пути Чжан Цяня (ок. 200 г. до н. э.). В 138 г. до н. э. император династии Хань У-ди (гг. прав. 141–87 до н. э.) направил Чжана с дипломатической миссией на Запад, где путешественник открыл для себя виноградное вино. Хотя с того времени оно стало известно китайцам, этот напиток приобрел широкую популярность лишь по прошествии нескольких столетий, уже при династии Тан, когда вино не только производилось в Китае, но и импортировалось из таких районов, как Шаш (исторический регион, в котором в наши дни располагается современная Ташкентская область) [Chang 1977: 122]. Любители спиртного во времена династии Тан ценили вино, производившееся в расположенном на Шелковом пути городе Лянчжоу (сейчас является районом города Увэй провинции Ганьсу). Сообщается, что известная красавица Ян Гуйфэй (719–756 гг.) пила из усыпанной драгоценными камнями чаши именно это вино [Ibid.]. В литературе того времени повсеместно встречаются отсылки к вину с указаниями на его популярность среди людей всех сословий и доступность покупки вина в торговых лавках, на постоянных дворах и в монастырях. Поклонники вина могли побаловать себя персидским вином из алычи, местными китайскими винами с добавлением перца или дикорастущего лайма, а также вина из хризантем, имбиря или гранатов [Ibid.: 120]. Считалось, что при дворе императора Тан Тай-цзуна (гг. прав. 626–649) производилось семь сортов виноградного вина [Xu, Bao]. Космополитизм династии Тан способствовал увеличению разнообразия вин, а также широкому распространению этих напитков, что делало их доступными для многих. Все это оставило глубокий след в культуре китайцев.

Литераторы и деятели культуры славились своим пристрастием к алкоголю. Артур Купер демонстрирует, что во времена династии Тан «опьянение в среде особенно талантливых людей

²⁴ Цзян Хай отмечает, что начало популярности распития спиртного среди народных масс следует искать во времена династии Чжоу. См. [Jiang 2006: 6]. – *Примеч. авт.*

²⁵ Ли Чжэньпин называет династию Тан «культурой уставов по алкоголю». См. [Li 2006: 2]. – *Примеч. авт.*

²⁶ Чжан Цюньфан выдвигает предположение, что монголы переняли эту технологию у России, где зерновые культуры заменяла свекла, которая и вдохновила русских на создание водки. См. [Chang 2002]. – *Примеч. авт.*

считалось состоянием идеальной, неограниченной восприимчивости к высшим источникам вдохновения» [Cooper 1973: 25]. По подсчётам Цзян Хая, примерно 14 % из сохранившихся до наших дней 7700 с лишним стихотворений эпохи Тан содержат упоминания об алкоголе [Jiang 2006: 95]. Еще ранее, во времена династии Цзинь (265–420 гг.), «семь мудрецов бамбуковой рощи»²⁷ распивали вино, предаваясь разговорам, слагая стихи и играя на музыкальных инструментах. Наиболее известным из «мудрецов» по масштабам потребления спиртного был «пьяный бес» Лю Лин (221–300 гг.), страсть к вину которого увековечена в стихотворении «Похвала достоинствам вина»²⁸. Рассказывают, что Лин как-то напугал своих гостей, заставших его обнаженным. Он объяснил, что вся вселенная ему дом, а дом – его одежды, и заодно поинтересовался, почему это разодеты его гости [Gong 2009: 120]! Лю также приписывают слугу, который везде расхаживал с бутылкой вина и лопатой, всегда готовый наполнить бокал хозяина или вырыть ему могилу в случае внезапной смерти. Один из самых известных китайских поэтов Тао Юаньмин (365–427 гг.), несмотря на нищету, был известен своим гостеприимством. Визитеров, как богачей, так и простой люд, он потчевал крепкими напитками, зачастую приготовленными им лично [Zhu 2008: 254–255]. Цай Юй предполагает, что Тао был «первым [автором], который много писал о состояниях и наслаждении от распития вина... апеллируя к алкоголю как пути “назад к природе”» [Tsai 2005: 225]. Цзян Хай подсчитал, что 56 из 140 с лишним дошедших до нас стихотворений Тао Юаньмина – примерно 40 % его творчества – упоминают спиртное [Jiang 2006: 90]. У Тао даже есть цикл стихотворений под названием «Распивая вино». Связь между алкоголем и творчеством прослеживается и у деятелей культуры, работавших в других жанрах. Так, Хуан Гунван, один из самых известных художников династии Юань, как-то заявил: «Не могу рисовать, не напившись вина» [Li 2006: 3].

В период династии Тан между алкоголем и творчеством установились прочные взаимосвязи, которые сохранились вплоть до сегодняшнего дня. Здесь в первую очередь стоит вспомнить «винного гения», поэта Ли Бо²⁹ (701–762 гг.), который хвалился, что готов обменять на вино все, что ему дорого:

Мой пегий конь, моя бесценная шуба —
Отдай их мальчику в обмен на отличное вино.
Пусть рассеется в вине давняя скорбь!³⁰
(цит. по: [Chang 2002])

Любовь Ли Бо к спиртному и его поразительно ценный вклад в литературные каноны Китая способствовали выработке убеждения, что вино, в котором «тонут» все невзгоды, придает силу и экспрессию художественным талантам. Ли так часто обращается в своих произведениях к крепким напиткам, что, по оценке писателя Го Можо (1892–1978 гг.), 17 % стихотворений поэта посвящены алкоголю [Xu 2003]. Современник Ли, поэт Ду Фу (712–770 гг.), называл великого писателя одним из «восьми бессмертных винного кубка»³¹. В одном из стихотворений Ду описывает, что Ли Бо мог «написать 100 стихотворений, испив целый *доу* вина»³².

²⁷ Известные китайские ученые, поэты и музыканты, жившие в III в. н. э. в царстве Вэй. В данном случае речь идет не о формальном объединении, а о перечислении наиболее известных деятелей культуры этого периода. – *Примеч. пер.*

²⁸ Цзян Хай заявляет, что Лю Лин был первым человеком, которого называли «пьяным бесом». См. [Jiang 2006: 15]. – *Примеч. авт.* Иероглиф *гуй*, который здесь используется, имеет много смыслов. Помимо бесов, призраков, злых духов, рабов порока может также обозначать гениев и сверхлюдей. – *Примеч. пер.*

²⁹ Устоявшееся обозначение имени поэта. По современным правилам читается и записывается как Ли Бай. – *Примеч. пер.*

³⁰ Перевод на основе английского и китайского вариантов. Это стихотворение Ли Бо переводилось на русский и представлено, в частности, в переводе Анны Ахматовой под названием «Поднося вино». Представленный фрагмент записан у Ахматовой так: Вот быстрый конь, Вот новый плащ, — Пошлем слугу-мальчишку, Пусть обменяет их [на вино], И вновь, друзья, забудем Мы о своих скорбях. – *Примеч. пер.*

³¹ Другие члены – Цуй Цзунжи, Хэ Чжичжан, Цзяо Су, Ли Цзинь, Ли Шичжи, Су Цзинь и Чжан Сюй. – *Примеч. авт.*

³² Один *доу* составляет примерно 10 литров [Zhou, Roy 2004]. – *Примеч. авт.*

Ду Фу также повествует о том, как Ли отказался повиноваться требованию явиться ко двору императора, обосновывая это тем, что он есть «гений вина» [Zhong 1935: 5]. Даже смерть Ли Бо связывают с алкоголем: считается, что он утонул, выпав из лодки, пытаясь в пьяном угаре ухватиться за луну. Эта легенда о гибели поэта заметно контрастировала с посвященными спиртному позитивными сюжетами.

Несмотря на признание пользы употребления алкоголя, в Китае не приветствовалось «чрезмерное» или «безрассудное» распитие крепких напитков. Наиболее негативные алкогольные ассоциации связаны с последним правителем династии Шан Ди Синь (гг. прав. 1075–1046 до н. э.) и его супругой Дацзи (г. с. 1046 г. до н. э.). По легендам, Ди Синь создал «озеро вина и леса мяса»: остров, на котором росли деревья с шампурами мяса вместо ветвей и вокруг которого плавали на челнах [Xuan 2006: 87]. Правитель и его гости (зачастую нагие) отдыхали у берегов озера площадью почти пять тысяч квадратных километров или возлежали на его поверхности. Чтобы напиться и наесться, им было достаточно наполнить кубок из озера и дотянуться до ветвей с мясом. Рассказывают, что по команде Ди Синя иногда до трех тысяч человек, присев на корточки у берега озера, пили из него вино, как коровы на водопое [Jiang 2006: 31]. Слухи о подобном поведении закрепили за Ди Синем дурную славу одного из самых выдающихся декадентов среди китайских правителей. Развал династии Шан (1600–1046 гг. до н. э.) часто связывают именно с ним, а его имя ассоциируется со злоупотреблением алкоголем и сумасбродной расточительностью. Впрочем, потребление алкоголя при династии Шан скрывало в себе гораздо более злое явление: бронзовые сосуды, в которых чаще всего хранили спиртное, медленно отравляли свое содержимое, поскольку алкоголь растворял олово, содержащееся в материале, из которого они были сделаны [Xu 2003]. Помимо таких опасностей, крепким напиткам в народе приписывали наступление «девяти страданий», в число которых входили ослабление интеллекта, моральная неустойчивость, склонность к телесным заболеваниям, сокращение продолжительности жизни, снижение сексуального влечения и фертильности, передача хворей по наследству, а также повышение рисков совершения преступлений и суицида [Ibid.]. Устоявшиеся предупреждения о вреде алкоголя дополнялись показательными сюжетами, начиная от истории жизни Ди Синя вплоть до инцидентов времен династии Цин (1644–1912 гг.). Так, считалось, что от алкоголизма скончались несколько императоров династии Юань [Simoons 1991: 452]. По различным источникам, руководитель Министерства церемоний при императоре Айсиньгёро Сюанье, правившем под девизом «Канси»³³ (гг. прав. 1661–1722), Хань Тань (1637–1704 гг.), упился до смерти. Чиновник династии Цин Юй Хуай описывает пиры в Нанкине, где веселье продолжалось, даже если у гостей начиналась рвота и люди лежали без чувств на земле [Chang 1977: 278]³⁴. Критически настроенные авторы видели в таком поведении вред для здоровья людей, крушение семейных устоев и подрыв основ государства.

Как позитивные, так и негативные представления о потреблении алкоголя стали основанием для попыток контролировать или вводить запреты на спиртное на официальном уровне. Однако ни один режим в Китае никогда не добивался полного запрещения потребления алкоголя³⁵. Первым правителем, которому приписывают запрет крепких напитков, является Юй Великий, основатель династии Ся. Как мы уже упоминали выше, народные верования связывали изобретение алкоголя с И-ди, дочерью Юй. И-ди попотчевала отца получившимся напит-

³³ Буквально «Процветающее и лучезарное». – *Примеч. пер.*

³⁴ Кэрл Бенедикт в ее замечательной работе по истории потребления табака в Китае отмечает, что Хань Тань пользовался «общенациональной репутацией как злостный курильщик и беспробудный пьяница». См. [Benedict 2011: 67]. О похожих алкогольных вечерниках в Японии см. [Bunting 2011: 30–33]. – *Примеч. авт.*

³⁵ Ли Чжэнпин замечает, что попытки западных держав продвигать «сухие законы» отличались от схожих мер в Китае, поскольку Запад более концентрировался на улучшении социума и обеспечении личного здоровья, в то время как Китай обычно подчеркивал проблематику урожайности. См. [Li 2006: 153]. – *Примеч. авт.*

ком. Юй получил от спиртного столь большое удовольствие, что сразу же выступил с предупреждением об опасности увлечения алкоголем и необходимости избегать его чрезмерного потребления. Таким образом, идеи ограничения употребления крепких напитков восходят к событиям, которые многие обозначают как истоки производства алкоголя [Ху, Вао]. Предупреждение Юя и печально известное «озеро вина» заложили основы для того, чтобы ко времени династии Чжоу было распространено мнение, что «излишество в еде и питье есть грех столь значительный, что целые династии могут пасть из-за него» [Chang 1977: 10]. Правители Чжоу выступали с указами, запрещающими населению пить алкоголь и допускающими использование спиртного лишь для совершения ритуалов. Это последнее допущение закладывало значительное пространство для маневра в применении указанных постановлений. Была сформирована организация для контроля производства и использования крепких напитков, предназначенных для членов императорского двора и в качестве жертвоприношений богам или предкам. Во времена династий Цинь (221–206 гг. до н. э.) и Хань употребление алкоголя подвергалось и ограничениям, и запретам. Самый известный, судя по всему, закон династии Хань принадлежит перу *чэнсяня*-премьера Сяо Хэ (г. с. 193 г. до н. э.), который запретил трем и более людям собираться для распития крепких напитков «беспричинно»³⁶. В 139 г. до н. э., на третий год правления императора У-ди, для повышения доходности казны правитель приказал взять производство спиртного под государственный контроль. В 98 г. до н. э. У-ди распорядился создать алкогольную монополию, наряду с монополиями на соль и железо. Возражения со стороны производителей привели к ликвидации монополии в 81 г. до н. э., однако она была восстановлена в 10 г. до н. э. Позднейшие режимы также зачастую формировали монополии.

На последних этапах существования Китайской империи цели и амбиции государства продолжали находить отражение в алкогольной политике. В начале правления династий и в случае плохих урожаев могли вводиться запреты на спиртное [Li 2006: 37]. При династиях Тан, Сун, Юань и Цин были широко распространены монополии. Во времена династии Сун при дворе гремели споры по поводу необходимости запретов на алкоголь, хотя налоговые поступления от крепких напитков имели для правителей большое значение [Fang 1936: 5]³⁷. Фан Фэй замечает, что за последнее тысячелетие наиболее жесткие ограничения на алкоголь были введены на пятый год правления императора Ваньянь Дигуая при империи Цзинь (1150–1161 гг.): крепкие напитки были полностью запрещены, нарушителям запрета грозила смертная казнь [Ibid.]. Правители династии Юань допускали использование алкоголя лишь в обрядах жертвоприношений, но в дальнейшем смягчили свою политику, введя монополию, при которой производство спиртных напитков достигло нового размаха. Крупные предприятия по большей части базировались на территории современных Синьцзяна и Тайюаня [Ху, Вао]³⁸. Ближе к концу имперского периода производство алкоголя и торговля им достигли своего пика.

С течением времени отдельные центры приобретали особую славу в области производства спиртных напитков, в том числе провинция Чжэцзян, в которой изготовлялось шаосинское рисовое вино, и провинция Гуйчжоу, производящая водку *маотай*³⁹. Шаосинские вина пользовались невероятной популярностью, они стоили дорого и были предметом экспорта уже со времен династии Мин. В период поздней династии Цин в регионе существовало две тысячи алкогольных производств, которые вырабатывали ежегодно до 70 тысяч тонн напитка [Ibid.]. Шаосинские вина пользуются широким признанием по настоящий день и производятся теперь и за пределами Чжэцзян. Маотай ведет свою историю от династии Сун. Напиток начали про-

³⁶ Ли Чжэнпин обозначает династии Цинь и Хань как «культуру алкогольной политики». См. [Li 2006: 2]. См. также [Fang 1936: 5]. – *Примеч. авт.*

³⁷ Во времена правления Сяо-цзуна (гг. прав. 1162–1189) налоги за алкоголь не собирали. – *Примеч. авт.*

³⁸ Ли Чжэнпин обозначает династию Юань как «культурой регионов спиртных напитков». См. [Li 2006: 2]. – *Примеч. авт.*

³⁹ Обозначение «водка» здесь отражает распространенное обозначение напитка, однако оно носит несколько условный характер. Формально *маотай* относят к «белому алкоголю» *байцзю*. – *Примеч. пер.*

давать за пределами региона производства с XVIII в. Сейчас *маотай* относится к наиболее известным китайским спиртным напиткам [Simoons 1991: 451]. Франк Дикёттер, Ларс Лааман и Чжоу Сюнь подчеркивают, что сравнительно высокая цена такого алкоголя делала его ценным предметом роскоши, которому опиум уступал пальму первенства в период поздней Цин [Dikötter et al. 2004: 15]. Последние годы Китайской империи были отмечены строительством немецких, польских и российских предприятий по производству пива на северо-востоке Китая и в городе Циндао на востоке страны. В наши дни Циндао обладает всемирной известностью, связанной с одноименным пивом.

Крах династии Цин в 1912 г. не привел к существенному изменению государственного подхода и общественных настроений в отношении алкоголя. В 1915 г. базирующееся в Пекине правительство Юань Шикая (1859–1916 гг.) объявило монополию, и в течение последующей эпохи милитаристов крепкие напитки оставались для правительственных структур важным источником дохода. В июне 1927 г. при составлении «Временных положений по продаже табака и спиртных напитков государственной монополией» Китайской республики Чан Кайши (1887–1975 гг.), по всей видимости, взял за основу ранние меры Юань Шикая [Ху, Вао]. С началом войны с Японией в 1937 г.⁴⁰ значимость сборов с алкоголя еще более возросла. В некоторых районах налоги были увеличены до 50 % и даже более [Ibid.]. В 1930-е и 1940-е гг. спиртное являлось мощным генератором доходов во всем континентальном Китае – как в Китайской республике, так и в Маньчжоу-го. Этим обстоятельствам будет посвящена следующая глава.

Опиум

Алкогольная продукция всегда была предметом настороженного к ней отношения. Однако вплоть до настоящего момента большее внимание и более резкие оценки научного сообщества связаны с ролью, которую в истории Китая сыграл опиум. Источники, которыми располагают исследователи, доказывают, что опиум потребляется по всему миру на протяжении 5 тысяч лет. Истоки этого тренда обычно датируются 3000 г. до н. э. Однако Чжан Гочэн констатирует, что самые ранние свидетельства использования опиума в Швейцарии относятся к 2000 г. до н. э., а в Китае – по крайней мере к 120 г. до н. э. Ученый ссылается на предполагаемое упоминание опиума в сюжете времен императора У-ди из династии Хань [Xin Manzhou 1941: 29]. Не позднее начала правления династии Тан опиум уже прочно укрепился в Китае в качестве важного лекарственного средства. Производимый в Поднебесной опиум использовался в медицине на протяжении столетий, особенно при лечении желудочных заболеваний и для устранения болевых ощущений. Однако критическое отношение к опиуму связано не с его лечебными свойствами. Вековые традиции использования наркотика в медицине считаются приемлемыми, однако его рекреационное потребление с началом с 1482 г. импорта продукта британскими, нидерландскими, испанскими (а позже – и американскими) торговцами в конечном счете стало восприниматься негативно [Wang 1936: 5]. К XIX в. методы продажи и потребления иноземного опиума провоцировали кризисные ситуации по всей империи Цин, от императорского двора до самых отдаленных границ государства. Стремительное расширение рекреационного потребления опиума в XIX в. драматическим образом трансформировало социальные обычаи, тренды национальной и международной торговли, а также представления об опиуме в целом.

Существует обширная научная литература о месте опиума в истории Китая, в особенности по теме Опиумных войн между Китаем и Великобританией (1839–1842 гг. и 1856–

⁴⁰ В китайской историографии вторая война с Японией делится на две части: частичная война, которая стартовала 18 сентября 1931 г. с началом японской интервенции в Маньчжурию, и всесторонняя война, которая датируется с 7 июля 1937 г. – с инцидента на мосту Лугоу. В данном случае подразумевается именно всесторонняя война. – *Примеч. пер.*

1860 гг.) и доминирующей в торговле опиумом роли Великобритании [Chang 1964; Tan 1978; Wong 1998]. Впрочем, торговали опиумом не только британцы, а потом и японцы. К этому делу приложили руку также американцы, китайцы, голландцы, корейцы, русские, испанцы, представители стран Южной Азии и другие группы людей [Brook, Wakabayashi 2000; Meyer 1998]. Однако наиболее прочную связь между Великобританией и опиумной торговлей в Китае в общественном сознании и научных исследованиях обеспечили две англо-китайские войны середины XIX в. и заключенные по их итогам неравные соглашения, оккупация столицы Китайской империи и позорный грабеж Юаньминъюаня – Старого Летнего дворца династии Цин. Ученые продолжают спорить об обстоятельствах, спровоцировавших эти войны, – стремление Великобритании к равенству в дипломатических отношениях и отказ Цин воспринять его или протекционистские меры Великобритании в попытке отстоять торговлю наркотиками и сопротивляться ограничительным мерам Цин. Вне зависимости от причин, стоящих за этими войнами, они оставили глубокий след в памяти китайского народа и исторических нарративах, и, скорее всего, это уже никак не изменить. Итак, британские торговцы видели в дорогостоящем, легком в перевозке и вызывающем привыкание опиуме идеальный товар⁴¹. Опиумный бум в Южной Азии пришел и в Китай под эгидой Британской Ост-Индской компании (1600–1874 гг., при том что торговая монополия структуры завершилась в 1833 г.). Опиум импортировался в Китай в обмен на экспортируемые из страны огромные объемы чая, фарфора и иной продукции. В начале 1800-х гг. спрос на наркотик резко возрос в связи со значительным ростом его рекреационного потребления. К 1823 г. оказывающий более сильное воздействие бенгальский опиум практически вытеснил с рынка местные альтернативы, что привело к изменению структуры торговли. Начался сильный отток капитала из Китая [Bello 2005: 38]. Возросшее потребление все более сильнодействующего наркотика и его социально-экономические последствия вызвали среди правителей Цин споры по поводу возможности введения запрета на опиум [Polachek 1992]. Дискуссия проходила на фоне отказа Китайской империи признать монархию Великобритании в качестве равноправного дипломатического партнера. Предложения британцев установить равные отношения были отмечены в сторону императорами Цин, которые полагали, что Китай самодостаточен и со всей очевидностью превосходит Великобританию.

Пока официальные лица Цин продолжали взвешивать плюсы и минусы торговли опиумом, рекреационное потребление наркотика распространялось при императорском дворе, среди бюрократии и во многих сферах общественной жизни все больше. Чжэн Янвэнь описывает, как опиум «мигрировал» от одной группы элит к другой, а также уделяет внимание массовой «макдональдизации» наркотика, которая привела к порицанию сильного воздействия опиума на Китай и ассоциациям интоксиканта с внешним империализмом [Zheng 2005: 154]. По мере трансформации в продукт рекреационного потребления опиум потерял свою респектабельность как медицинское средство. На пике популярности наркотик стал атрибутом досуга. Чжэн связывает стремительную популяризацию опиума со схожестью процедур его приготовления с организацией питания, чайными церемониями и потреблением табака и сахара⁴². Популярности наркотика также способствовало его восприятие в качестве афродизиака⁴³. «Страсть ко всему заморскому» в период династии Цин распространялась и на опиум, который все больше становился символом космополитичной культуры того времени [Zheng 2005: 8]. С течением времени потребление опиума начали связывать с предполагаемыми «врожденными чертами» характера китайцев, в том числе предпочтением к проведе-

⁴¹ Полноценный анализ долгосрочного тренда потребления опиума в поздней Китайской империи и пути демонизации опиума представлены в [Newman 1995: 765–794]. – *Примеч. авт.*

⁴² Об истории табака в Маньчжурии См. [Benedict 2011: 22–25]. – *Примеч. авт.*

⁴³ В начале XX в. Сакаи Киёси указывал на предполагаемую связь между курением опиума в Шанхае и усилением при этом наслаждения от сексуальных актов. См. [Driscoll 2010: 191]. – *Примеч. авт.*

нию времени в помещении за такими занятиями, как, например, написание стихов, и любовью к предметам роскоши, в частности шелку. Китайцам противопоставлялись европейцы, которые, будто бы потакая привычке потреблять алкоголь, демонстрировали талант к активным занятиям вне помещений, в том числе вождению автомобилей и управлению лодками и летательными аппаратами [Vai 1941a: 8]. Схожее, еще более негативное восприятие употребления спиртного различными народами отмечается в работе Мириам Кингсберг, посвященной Сакаи Ёсио, известному профессору медицинского колледжа при Токийском имперском университете. В 1930-х гг. Сакаи считал, что потребление алкоголя японцами связано с их этнической «активностью» в противоположность «летаргии» китайского народа, курившего опиум [Kingsberg 2009: 42–43].

Опиум распространялся в китайском обществе по сложным сетям торговых путей и личных взаимоотношений. Известно, что император династии Мин Чжу Ицзюнь (гг. прав. 1572–1620), правивший под девизом «*Ваньли*»⁴⁴, многие годы отсутствовал при дворе, в том числе и по причине своей привязанности к опиуму. Однако еще более существенным для китайского общества в целом в период династии Цин было распределение опиума посредством практики *хуэйби* – системы отклонений или отводов, которые предполагали регулярное превентивное отстранение от должностей и ротацию чиновников во избежание злоупотреблений. Как отмечает Чжэн Янвэнь, бюрократы не расставались со своими привычками, распространяя в обществе рекреационное потребление опиума, подтачивающее империю [Zheng 2005: 81]. Карьеры официальных лиц корнями уходили в конфуцианские представления о моральном долге. Однако по мере того, как все больше чиновников начинало употреблять опиум, эта страсть становилась для многих из них пагубной, поскольку они постепенно утрачивали способность исполнять свой долг. По мере распространения опиума среди низших сословий наркотик все больше ассоциировался с негативными последствиями его потребления. В конечном счете такой ход мыслей привел к требованиям искоренить рекреационное потребление опиума во имя спасения империи, а позже – и всего китайского народа [Zhou 1999: 171]. Позднейшие политические лидеры, в том числе вдовствующая императрица Цыси (1835–1908 гг.) и председатель КНР Мао Цзэдун (1893–1976 гг.), публично осуждали опиум, осознавая при этом его значимость: по слухам, Цыси и сама покуривала наркотик, Мао же во времена войны сопротивления Японии и гражданской войны использовал опиум в качестве источника доходов Коммунистической партии Китая.

Итогом дискуссии о рекреационном потреблении опиума во времена династии Цин стало официальное признание интоксиканта незаконным товаром. К 1830-м гг. на фоне массового потребления наркотика, сильного оттока капитала и зависимости доходов крестьян от выращивания мака критики требовали [от властей] действий [Bello 2005: 275]. Если ранние реформаторы винили в импорте опиума отдельных торговцев, стремящихся к личной выгоде, то к 1830-м гг. бремя ответственности за опиумную торговлю переложили на иностранные правительства, порицаемые за вред, причиненный народу Китая [Xin Manzhou 1941: 29]. В 1838 г. император Айсиньгёро Мяннин (гг. прав. 1820–1850), властвовавший под девизом «*Даогуан*»⁴⁵, направил чиновника Линь Цзэсюя (1785–1850 гг.) в южный порт Гуанчжоу, чтобы раз и навсегда ликвидировать опиумную угрозу. Неподкупного Линя иностранцы встретили неласково. Вскоре стало очевидно, что манипулировать чиновником не получится. Линь приказал сдать запасы опиума и незамедлительно уничтожил свыше миллиона килограммов наркотика, чем вызвал бешенство торговцев, потребовавших вмешательства Великобритании. Разразилась Первая опиумная война (Первая англо-китайская война). Подписанный по ее окончании Нанкинский договор 1842 г. стал первым в серии «неравноправных соглашений», навязанных

⁴⁴ По иронии, буквально «Бесчисленные годы». – *Примеч. пер.*

⁴⁵ Буквально «Слава добродетели». – *Примеч. пер.*

династии Цин. Порты Китая были открыты для британских торговцев, миссионерам обеспечивался более свободный доступ в страну, британцы получили Гонконг и огромные денежные средства. И все это без упоминаний опиума. Затягивание сроков исполнения договора со стороны династии Цин привело ко Второй опиумной войне (Вторая англо-китайская война), кульминацией которой стала оккупация британцами китайской столицы – Пекина – и уничтожение грабителями Старого Летнего дворца. Сохранившиеся до наших дней руины комплекса остаются ярким свидетельством агрессии иноземных империалистов в отношении Китая.

К концу 1800-х гг. британцы практически отказались от опиумного бизнеса. Большую часть опиума производили и потребляли на внутреннем рынке китайцы. Опиумная торговля продолжала оставаться доходным, но вызывающим еще долгое время разногласия предприятием и после отмены британского господства. Местному китайскому опиуму составляли конкуренцию его импортировавшиеся из Персии и действовавшие намного сильнее варианты. Попытки искоренить рекреационное потребление опиума продолжались. Дэвид Белло и Джойс Мэданси указывают, что относительно успешные меры по введению ограничений пришлось на 1906–1911 гг., заключительные годы правления династии Цин, однако эффективность мер в долгосрочной перспективе сильно ограничивалась зависимостью доходов местных властей от опиума⁴⁶. Еще одну антиопиумную кампанию проводили на Тайване с 1895 г. японцы, которые в то время взяли остров под свою власть⁴⁷. Официальные лица Японии решились на легализацию опиума на территории колонии для контроля его роста и дистрибуции. Их целью была постепенная ликвидация рекреационного потребления опиума. Была основана Опиумная монополия, призванная обеспечить полицейский надзор за притонами и дилерами и ввести обязательные медицинские осмотры для зарегистрированных наркозависимых. Все доходы [монополии] направлялись на общественное здравоохранение и образование [Meuer 1998: 189]. Гото Симпэй (1857–1929 гг.), первый генерал-губернатор Японии на Тайване, выступал ведущей фигурой в борьбе против опиумной зависимости. Гото отстаивал постепенный отказ от приема опиума наркозависимыми под наблюдением врачей в противовес открытой криминализации потребления наркотика⁴⁸. По его оценке, на ликвидацию зависимости от опиатов на Тайване потребовалось бы пять десятилетий⁴⁹. Свою систему Гото внедрял с 1896 по 1906 г., после чего его перевели на другой пост для осуществления контроля за соблюдением японских интересов в Корее и Маньчжурии [Meuer 1998: 188]. Политический курс Гото на Тайване в дальнейшем послужит моделью для схожих мероприятий в Маньчжоу-го, чему посвящена следующая глава.

В период милитаристов (1916–1927 гг.) опиум играл ключевую роль в обеспечении финансирования местных вооруженных сил, которые после завершения Первой мировой войны (1914–1918 гг.) неуклонно увеличивались в размерах. «Военные бароны» искали средства на закупку оружия у европейских держав. Существует множество документальных подтверждений причастности китайских милитаристов к торговле наркотиками. В частности, еще в 1924 г. Хуай Инь в статье для *Shengjing Times* порицал милитаристов как заикленных на себе приспешников империализма. По его мнению, чем дольше они будут оставаться у власти, тем меньше вероятность достижения какого-либо прогресса по снижению показателей рекреационного потребления опиума [Huai 1924: 1]. Хуай замечает, что милитаристы оказались роко-

⁴⁶ Мэданси ссылается здесь на усилия неофициальных элит, которые зависели от морального и законного авторитета государства. См. [Madancy 2003: 9]. – *Примеч. авт.*

⁴⁷ Боб Вакабаяси отсылает к «имперской воле» как катализатору японской торговли наркотиками и прослеживает три этапа становления последней. См. [Wakabayashi]. – *Примеч. авт.*

⁴⁸ Марк Дрисколл отмечает, что в 1897 г. Гото установил такие высокие цены на опиум, что только за указанный год соответствующие доходы составили 2,4 миллиона йен – сумму, сопоставимую с общими налоговыми поступлениями Тайваня. См. [Driscoll 2010: 31]. – *Примеч. авт.*

⁴⁹ Расчеты Гото в конечном счете оказались пророческими с учетом поражения Японской империи в 1945 г. – *Примеч. авт.*

вым образом привязаны к военному делу и опиуму. Автор призывал к «революции простого люда», которая, с его слов, должна была устранить как милитаристов, так и опиум. Один из наиболее выдающихся милитаристов, Чжан Цзолинь с северо-востока Китая, связал доходы от продажи опиума со своей попыткой взять под контроль весь Китай. Огромные суммы, получаемые от реализации наркотиков, тратились на покупку вооружений, что в дальнейшем приводило к дестабилизации общества и оказывало столь заметное влияние на жизнь в Китае вплоть до конца XX в. Во время правления Чжан Сюэяна, сына «старого маршала», Жу Гай замечал, что, хотя японцы ввели эффективные меры по контролю за рекреационным потреблением опиума на Тайване, аналогичные меры на территории Китая представляются практически нереализуемыми по причине огромной площади страны и значительного присутствия вооруженных сил [Ru 1930с: 7].

Вне зависимости от мрачных предсказаний Жу, продолжались попытки прогибиционизма, зачастую предлагавшие, как отмечают Франк Дикёттер, Ларс Лааман и Чжоу Сюнь, «лечебное снадобье, еще более страшное, чем само заболевание»: расширяющаяся коррупция, формирование криминального подкласса и растущая популярность «альтернатив» опиуму, в том числе героина и морфина [Dikötter et al. 2004: 207]. На территории Китайской республики 1935 г. был отмечен официальным введением Чан Кайши в действие шестилетнего плана по ликвидации рекреационного потребления опиума. Этот проект представлял собой, по мнению Аллана Баумлера, успешное сочетание разнообразных программ, нацеленных на обеспечение контроля над распространением опиума с учетом национальных особенностей китайского общества. Чан стремился «контролировать как истоки “опиумного вопроса”, так и подбор подходящих методов для его решения» [Baumler 2007: 7]. Посредством мер контроля, торговых ограничений и подавления, в том числе казни, наркоманов, националисты трансформировали опиумную эпидемию, в которой многие видели угрозу существования китайского государства, в «обычную социальную проблему, сравнимую с любой другой» [Ibid.]. Небольшие пилотные проекты по увеличению продаж и усилению контроля над опиумом в таких националистических опорных пунктах, как город Ханькоу⁵⁰, в конечном счете способствовали централизации власти Чан Кайши над все более регулируемым сектором промышленности, закладывая тем самым основы для политики коммунистов в отношении контроля над наркотиками после 1949 г. Последние научные исследования свидетельствуют, что режим Гоминьдан выступал мощной силой в изменении отношения к опиуму в середине XX в. Впрочем, националисты были не единственными, кто занимался этим вопросом. Политический курс Чана схож с мерами, которые проводились в Маньчжоу-го, однако последние подвергаются столь нещадной критике в общественном дискурсе и научных исследованиях, что в них видят лишь прикрытие для подлых делишек японских милитаристов и предателей⁵¹

⁵⁰ Сейчас часть города Ухань провинции Хубэй. – *Примеч. пер.*

⁵¹ В крупных произведениях по вопросам противоопиумных кампаний не рассматриваются цели прогибиционизма японцев на континенте. Например, см. [Zhou 1999; Baumler 2007]. – *Примеч. авт.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.